

История ЗАРУБЕЖНОГО ОБРАЗОВАНИЯ И ПЕДАГОГИКИ

Е. Ю. Рогачева

ВОСПИТАНИЕ ДЕТЕЙ В СЕМЬЕ ДЖОНА ДЬЮИ

УДК 37.018.1
ББК 74.03(3)

Джон Дьюи известен российским читателям как автор более 30 книг и 900 научных статей по философии, социологии, педагогике и другим дисциплинам. Свидетельством международного признания Джона Дьюи стало решение ЮНЕСКО (1988), касающееся всего четырех педагогов, определивших способ педагогического мышления в XX веке, — одним из них стал Дж. Дьюи. В статье представлен ранее не издававшийся на русском языке биографический материал, раскрывающий особенности воспитания детей в семье Дьюи.

Ключевые слова: семейная педагогика; практико-ориентированное обучение; экспериментальная школа.

E. Yu. Rogacheva UPBRINGING CHILDREN IN JOHN DEWEY'S FAMILY

Russian readers know John Dewey as the author of more 30 books and 900 scientific articles on philosophical, social, pedagogical and other issues. As a sign of international recognition of John Dewey UNESCO (1998) made a well-known decision relating to only four pedagogues who determined the process of pedagogical thinking in the 20th century. One of them was John Dewey. The article presents some biographical material for the first time available in Russian which demonstrates the peculiarities of bringing the children on John Dewey's family.

Key words: family pedagogy; practice-oriented education; experimental school.

О Дж. Дьюи (1859–1952) написано достаточно много как о великом мыслителе XX в. — философе, педагоге, основателе лабораторной школы при Чикагском университете (1896–1904). Его по праву называют гражданином XX в., реформатором, правозащитником, «учителем учителей», так как на протяжении своей жизни Дьюи верно служил идеалам демократии, образования и прогресса. Благодаря биографическим материалам о Дьюи, составленным Р. Уэстбруком, С. Рокфеллером, А. Райаном и Д. Мартином, к сожалению, не переведенным на русский язык, стало возможным значительно глубже понять Дьюи в контексте его бурной и наполненной яркими событиями жизни [9; 6; 7; 5]. Биография Дьюи предстала как «призма, позволяющая лучше увидеть историю» [8. С. 80–90], дала возможность обнаружить всеобщее в этом ушедшем «веке крайностей», а именно так назвал прошлый век историк Э. Хобсбаум в своей книге «Век крайностей. Этот короткий двадцатый век 1914–1991», увидевшей свет в 1994 г. [3]. Первые три биографа Дьюи старались описать жизнь ученого, поместив его идеи и политические проекты в релевантный интеллектуальный и социальный контексты. Биография великого мыслителя, представленная Д. Мартином, соединила в себе и аспекты многогранной жизни ученого во всех ее проявлениях, и его плодотворную деятельность. В ней использованы многочисленные материалы переписки ученого (около двадцати тысяч писем Дьюи и тысячи других материалов переписки и рукописей).

Основным источником счастья, как признался сам Дьюи, для него служили мыслительная работа (или «игра воображения») и его семья. Поэтому не случайно некоторые биографы старались изобразить человеческий портрет великого мыслителя в контексте его семейной жизни. Ведь Дьюи не был «мыслящей машиной», он был мыслящим человеком, личностью, индивидуальностью. Надо отметить, что Дьюи очень активно реагировал на характер и условия современной ему эпохи.

Предлагаемые материалы дадут представление о Дьюи как любящем отце. У Дьюи было трое сыновей — Фред, Моррис, Гордон и трое дочерей — Люси, Джейн и Эвелин. В отличие от многих классиков педагогики, к примеру Ж.-Ж. Руссо, который всех своих пятерых детей отдал в приют, Дьюи уделял воспитанию и образованию детей огромное значение. Наблюдение за ростом малышей, их образованием стало огромным стимулом для написания ученым целого ряда статей педагогического характера. Так, например, работа Дьюи «Психология языка младенца» родилась как результат наблюдения за тем, как его первенец Фред и дочь Эвелин учились говорить.

Дж. Дьюи и его жена Элис были уверены в том, что именно образование позволит детям открыть двери возможностей. Для того чтобы снабдить детей всем, что позволит им пройти сквозь эти двери уверенно, родители расширяли их образовательное пространство: много путешествовали в Европе и Азии, устраивали интересные встречи в кругу семьи с име-

нитыми писателями, художниками, архитекторами, музыкантами, журналистами, представителями бизнеса из разных стран (как в Чикаго, так и в Нью-Йорке, куда семья переехала к 1905 г.). Надо признать, что Дьюи всячески поддерживал освоение детьми иностранных языков. А это отличает далеко не каждого американца, считающего, как правило, что учить иностранные языки не к чему, коль скоро весь мир говорит на английском языке. Дьюи верил, что образование — это «постоянная реконструкция опыта», а поэтому и развивал своих детей во всех направлениях.

Правда, о Дьюи, как об отце, ходило немало и анекдотических историй. Так, например домашняя прислуга Лилиан Джонсон вспоминала, что «как-то увлеченный очередной статьей молодой папа — Джон Дьюи услышал просьбу жены успокоить маленького сынишку Фредди, имитировавшего огромную ревушую ракету во время воскресного обеда. Дьюи ответил следующее: «Я не могу. Это очень трудное дело». В другой раз, когда Фред имитировал всемирный потоп в ванной комнате, а вода уже вытекала из ванны и почти достигла кабинета Дьюи, взволнованный ученый влетел по лестнице к месту случившегося и стоял ошарашенный до тех пор, пока сынишка не произнес: «Джон, не говори ничего! Принеси лучше тряпку!». Почти с каждым ребенком Дьюи были связаны свои истории. Однажды, получив в банке деньги, он забыл коляску около банка со спящим ребенком. Увлеченный подсчетом полученной суммы, он напрочь забыл о ребенке.

К счастью, когда Дьюи обнаружил пропажу, ребенок продолжал мирно спать.

Отношение Дьюи к сыновьям — особая страница его семейной педагогики. И это не случайно. Многое в отношениях Дьюи с детьми объясняется его собственными отношениями со своими родителями.

Тема отца Арчибальда Спрага Дьюи представляет особый интерес в биографии ученого. Случилось так, что Джон Дьюи появился на свет спустя сорок недель после гибели его маленького брата — Джона Арчибальда Дьюи, которому не суждено было дожить и до трех лет. Он случайно упал в котел с раскаленной маслянистой жидкостью и позднее скончался в муках от тяжелейших ожогов на глазах своих родителей. Мать Джона Дьюи — Люсина Артемисия Рич Дьюи и ее супруг страшно переживали случившееся. Родившийся 20 октября 1859 г. мальчик получил имя Джон в память об ушедшем брате. Безусловно, для родителей рожденный малыш был своего рода заменой потерянного сына, но Арчибальд не хотел второй раз давать свое имя сыну. Всю жизнь родители жили с ощущением, что их преследовала тень погибшего ребенка.

Факт, что Джону пришлось стать заменой брату, явился причиной первого кризиса в его жизни. Ведь всегда очень трудно ощущать себя заменой. А если тебе еще и не повезет в этой жизни, то ты еще глубже будешь чувствовать, что не смог оправдать ожиданий родителей. Но Джону Дьюи повезло. Он всегда осознавал, что должен жить для других, развил

в себе удивительный талант быть участливым и глубоко сочувствующим человеком. Его родители обращались с ним так, как будто он был их первым ребенком, и во многих отношениях он сумел впоследствии превзойти даже своего старшего брата Дэйвиса. Порой он даже давал советы Дэйвису, который стал известным экономистом, правда, уже после того, как Дж. Дьюи приобрел известность.

Надо признать, что мать Дьюи особо заботилась о здоровье Джона и была очень близка с ним. Она постоянно переписывалась с сыном, посылала ему толстые конверты с письмами, рассказывала обо всех новостях. То, что перед смертью Арчибальда родители жили в доме Джона, а не его братьев Дэйвиса или Чарльза Майнера, говорит о многом. Родители были намного ближе и к детям Джона, чем Дэйвиса.

Вторым кризисом в отношениях Дьюи с отцом был неожиданный уход отца на Гражданскую войну. Хотя ему было уже за 50 лет, он неожиданно летом 1861 г. продал свой бакалейный бизнес и отправился служить в Первый Вермонтский кавалерийский полк. Он вступил в ряды Союзной армии в Северной Верджинии, оставив на попечении беременной супруги двоих сыновей. Многие считали, что одной из причин такого поступка было то, что Арчибальд все время думал о том, переживет ли его сын Джон тот роковой возраст, который унес его первенца. Он не хотел оставаться дома в ожидании этого момента. Люсине пришлось вскоре продать дом и поселиться у родственников, так как

деньги, оставленные Арчибальдом, скоро закончились, и надо было как-то выживать. Поскольку Арчибальд был на военной службе, мать стала очень близка своим сыновьям, особенно Джону. Понимая, как трудно маме, он проявлял большую заботу и о родившемся Чарльзе, хотя и не был старшим братом. Мать очень переживала за отца, к счастью, он не был даже ранен. Рождество 1864 г. Люсина с тремя сыновьями встречала вместе со своим мужем. Этот день особенно запомнился Джону. Позднее он писал: «Я лучше всего, пожалуй, помню то Рождество, когда мне было 4 года; мой отец был на фронте, а мама взяла нас и отправилась в распоряжение его части, чтобы остаться там на зиму. Я очень хорошо помню, как, проснувшись, я увидел в конце комнаты их кровать, она казалась так далеко от меня, в целой миле, а потом мне дали какие-то вещи; среди них была маленькая деревянная маслособойка. Позже моя мама рассказывала мне, но это было уже много лет спустя, что они думали, что я буду разочарован тем, что мне смогли дать в качестве рождественского подарка. Ведь тогда очень трудно было что-то достать. И все же я вспоминаю, как рады мы были тем дарам» [5. С. 13].

Вскоре Люсина с сыновьями вернулась в Берлингтон, где она жила у своих родственников. В начале 1865 г. закончилась война, а 14 апреля 1865 г. было совершено покушение на президента Авраама Линкольна. Траурные дни надолго запомнились пятилетнему Джону, особенно врезалось в память огромное количество домов,

задрапированных черным в знак скорби. Удивительно, но отец вернулся в семью лишь через два года после окончания войны. Он оставался на Юге, занимался каким-то бизнесом в Вирджинии и Южном Иллинойсе. Семья вернулась к нормальной жизни лишь в 1867 г. Дж. Дьюи вспоминал, что они сразу же переехали в свой собственный дом. Бакалейный бизнес снова начал процветать, хорошо шла и торговля сигарами.

Однако в жизни Джона наступил третий кризис. Дело в том, что родители Джона были очень разные. Они отличались и по темпераменту и по отношению к детям, имели различные интересы и разные запросы, но при этом оба оказывали влияние на становление сына.

Мать Джона Дьюи родилась в 1830 г. в Вермонте и выросла на очень богатой ферме, где она многому научилась. В тот период в Америке умение вести фермерское дело было очень редким, так как значительная часть населения переместилась в города и утратила эти навыки. Джон всегда идеализировал способности матери вести фермерское хозяйство. Он даже писал об этом в своей работе «Школа и общество» (1899): «Дисциплина и формирование характера, связанные с процессом тренировки привычек к порядку и трудолюбию, и так называемая идея долга, стремление сделать что-либо, произвести что-то в этом мире культивировались фермерскими семьями в середине девятнадцатого века». Дьюи признавался Джозефу Ратнеру, что в своих работах по педагогической теории и практике он

опирался на «Вермонтское окружение», особенно на дух фермы бабушки со стороны матери. Он сожалел, что дети 1920-х и 1930-х гг. были лишены того, что он сам испытал. Дьюи вспоминал, что именно на ферме он мог видеть старинную лесопилку, свечи и мыло, сделанные в домашних условиях. Своим детям Дьюи часто рассказывал, как иногда появлялся на ферме на несколько дней сапожник, чтобы починить обувь всех желающих. Джону очень нравилось, что на ферме люди были очень близки к природе, знакомились с простейшими орудиями труда. Многие молодые люди могли уже в юности многому научиться, осваивали ремесла. Не случайно Дьюи восхищался Томасом Джефферсоном и выделял его из многих американцев. Дьюи, как и Джефферсону, была присуща идеализация сельской жизни. Позднее в своей экспериментальной школе он знакомил детей с прядением, ткачеством, столярным делом. Организация музея труда, активная поддержка этой идеи и в Халл-хаусе Джейн Аддамс — все это доказательство того, что Дьюи пытался ввести в содержание образования и практико-ориентированные предметы. В своих трудах он также старался передать детям, воспитывавшимся в городах, дух творческой, продуктивной и независимой жизни фермерской семьи наподобие той, что была у его матери.

Что касается деда Дьюи — отца Люсины, то он не ограничивался лишь фермерской жизнью. Дейвис Рич был в течение пяти лет членом Вермонтской Генеральной ассамблеи. Дедушка Люсины — Чарльз Рич служил в

Конгрессе Вашингтона несколько периодов. Процветающая и общественно ориентированная, тесно связанная с общинной службой и влиятельная в социальных кругах семья Рич в трех поколениях кровью и интересами была связана со многими известными гражданами Шохэма и Берлингтона. Кузен Люсины Мэтью Бакхэм был президентом Университета Вермонт, где учился Дж. Дьюи. Люсина часто гостила вместе со своими сыновьями в семье Бакхэмов, жила там и во время, и после Гражданской войны, а Джон и Дэйвис дружили с двумя сыновьями Бакхэмов. Она была очень требовательна к себе, отличалась реформистскими взглядами, характерными для старой берлингтонской политической и университетской элиты. Но ее главным делом стала забота о душах своих близких. Джон признавался, что благодаря матери он воспитывался в истинно евангелистской манере. Он был серьезным и застенчивым ребенком.

Отец Джона Дьюи Арчибальд не очень-то пускался в духовные размышления. Он был целиком увлечен бизнесом и стремился выделиться, достичь успеха. Подобно тем американцам, портреты которых были блестяще описаны Генри Джеймсом, отец Дьюи не был особенно образован, не имел способности к размышлению, не обладал манерами, но был уверен в себе и пытался тягаться силой там, где это было возможно. Он принадлежал к числу новых бизнесменов, представителей коммерческой демократии, лозунг которых был «купи у одного, а продай другому». Джону очень нравилось то, что отец отличался храбростью и

отвагой. С ним считались, он всегда демонстрировал активную позицию, с ним всегда было интересно.

Арчибальд, как и его жена, родился на ферме в штате Вермонт (Новая Англия), в 1811 г. Он был одиннадцатым и последним ребенком. Несколько поколений его предков также жили в Новой Англии и внесли свой достойный вклад в американскую жизнь. Его отец — Парсон Дьюи сыграл определенную роль в Революционной войне и был похоронен в Беннингтоне. В то время как предки Люсины были англичане, в роду Арчибальда были голландцы, а также шотландцы и ирландцы. Его предки жили во Фландрии и в XVI в. занимались ткачеством. Их звали «выходцами из лугов» («was de Wei» — «of the meadows»). Отсюда и фамилия Дьюи. Позднее Дж. Дьюи ассоциировал Англию с чистым пуританизмом и предпочитал гордиться своими голландскими корнями: «Я должен признаться, что я, скорее, голландец, чем англичанин. ...В наших кругах есть два выражения: “трудолюбивый как Дьюи” и “никто не может напоить Дьюи”». Джон всегда хотел походить на отца, который отличался находчивостью и хорошим чувством юмора. Хотя он страдал заиканием, но никогда не стеснялся, легко вступал в разговоры, блестяще рекламировал товары в своей бакалейной лавке. Вот некоторые из его рекламных объявлений, напечатанных в Берлингтонской газете «Дейли Фри Пресс»: «Тем, кто предпочитает темноту свету, не стоит покупать масло или спермацетовые свечи в магазине Дьюи», «Мои сигары — хорошее извинение за плохую

привычку». Он даже уговорил своего друга, поэта Джона Сэкса, написать комическую пародию на лосося, который продавался в его магазине. Веселый нрав отца очень нравился его сыновьям.

Контраст между родителями был типичен для американской жизни того периода. Мама главным образом заботилась о детях, в то время как отец все время находился в своей конторе или магазине. Однако образ Люсины нельзя было сравнить с женщинами, описанными Генри Джеймсом и Генри Адамсом, которые отправлялись в Европу в поисках культуры, в то время как их мужья задерживались в промышленных центрах, налаживая бизнес-контакты. Разница между Люсиной и Арчиальдом была иная. Люсина была верной сторонницей так называемых мужских добродетелей пуританизма. Ей удалось привить своим сыновьям Джону и Дэйвису чувство морального долга и ответственности. У Арчиальда было очень мало времени на сыновей. С Джоном он был всегда очень осторожным. Они уважали друг друга, но особой близости Арчиальд не допускал. Позднее Джон Дьюи, заполняя бланк для включения его биографических материалов в Энциклопедию национальной биографии, писал, что его отец был известен своим «остроумием». Арчиальд часто чувствовал неловкость в общении с сыном и часто использовал остроумие, чтобы не допускать особой близости.

Любопытен текст письма, написанного Джону Арчиальдом 21 октября 1885 г., день спустя его

26-летия. Арчиальд писал: «Я вовсе не забыл вчера о твоём воровском вторжении в наш семейный круг, но погода была так прекрасна, что мне не захотелось потянуться за ручкой и уйти в дом... Если материнская писанина не пропадет на почте, то ты получишь небольшое напоминание о том, что мы оба думали о тебе в этот день» [5. С. 18]. Какая метафора могла бы лучше передать смысл того, что Джон всегда был для отца сыном-заменой и что он никогда бы не был Джоном, если бы его первый сын Джон Арчиальд Дьюи был жив. Как бы не интерпретировались эти строчки, фактом в биографии Дьюи остается следующее: между отцом и сыном всегда была дистанция, всячески охраняемая Арчиальдом.

Мать Дьюи, напротив, была всегда погружена в жизнь своего сына, вероятно еще и потому, что во время отсутствия отца она своей любовью и заботой пыталась компенсировать дефицит общения сыновей с Арчиальдом. Возможно, что особое внимание матери к Джону объяснялось и тем, что он рос довольно хрупким и болезненным мальчиком. Джон, в отличие от своих братьев, был очень похож на свою мать как внешне, так и по характеру. Как и мама, он был удивительно усердным и мог часами трудиться. Он рано вставал, не позднее семи утра. Однажды, проспав до восьми, он признался детям, что в тот день он побил свой рекорд позднего просыпания.

И все же, возвращаясь к проблеме родительского влияния, надо сказать, что именно мать научила Дьюи думать, размышлять, а отец передал ему

умение действовать, как подобает настоящему мужчине, — энергично и решительно. После смерти Джона Дьюи его вторая жена Роберта рассказала философу Джорджу Экстеллу, что Джон часто рассказывал ей о своих родителях и жизни в Вермонте и все время настаивал на том, что большее влияние на него оказал отец. В действительности же, он маскировался, это всегда было его потаенным желанием. Влияние матери на него было слишком сильным, настолько сильным, что ему пришлось научиться противостоять ему. Желание отца влиять на сына было невелико, в отличие от желания матери. Однако, стараясь походить на дистанцировавшегося от него отца, Джону удалось стать самим собой.

В отношении своих собственных сыновей Джон Дьюи занял совершенно иную позицию. Его первенец Фредерик Арчибальд Дьюи, к которому обычно отец обращался не иначе как «дорогой мальчик Фредди», родился 19 июля 1887 г. в Фентоне, штате Мичиган в доме Фреда и Эвелин Риггс, где выросла жена Дьюи Элис. Фредериком звали дедушку Элис, а Арчибальдом — отца Дьюи. Затем в 1889 г. родилась дочь Эвелин Риггс, унаследовавшая имя бабушки Элис. В 1892 г. появился на свет Морис, названный в честь любимого учителя Дьюи Джорджа Сильвестра Мориса. Однажды Дьюи пришлось остаться с Морисом наедине во время поездки Элис в Европу с другими детьми. Он всегда с удовольствием соглашался следить за детьми, хотя у него было много дел на работе и общественных поручений. В тот момент Дьюи дол-

жен был закончить семестр в университете. Во всех своих письмах жене он описывал успехи своего сынишки, называл его очень чувствительным мальчиком, подвижным, искренним и способным. Однажды, когда Дьюи заснул в кресле, то, проснувшись, он застал малыша вылезшим из своей кровати и уже намеревавшимся мыть окна. Дьюи тут же отвлек малыша интересной картинкой в книге, но ужасно испугался от мысли, что могло бы произойти с сынишкой, если бы отец продолжал спать.

По окончании семестра Дьюи и Морис должны были отправиться на пароходе в Европу, чтобы присоединиться к Элис и старшим детям во Франции. Некоторое время семья провела в Париже, где Дьюи удалось прослушать лекции по философии в Сорбонском университете. Затем семья отправилась в Италию. Но поездка оказалась очень печальной. По дороге Морис подхватил дифтерию, и уже в Милане Элис, Морис и его сестра Эвелин оказались в больнице. Вскоре Элис и Эвелин выздоровели, а маленький Морис умер 12 марта 1894 г. в возрасте двух с половиной лет. Он был кремирован и похоронен в Милане. От этого удара так и не удалось окончательно оправиться ни Элис, ни самому Дьюи, привязавшемуся к малышу за время отсутствия жены. Джону, как когда-то его отцу, пришлось пережить потерю сына. Но его судьба была еще более жестокой.

После смерти Мориса Элис родила еще троих детей. Гордон Чипман, названный так в честь отца Элис, родился летом 1896 г. Казалось, его

появление должно было смягчить горе семьи после потери маленького Мориса. Он стал всеобщим любимцем и поражал родителей своими ранними успехами, был очень сдержанным и удивительно разумным ребенком. В декабре 1897 г. у него появилась сестричка Люси Элис, которая очаровывала всех своей ангельской улыбкой и желанием танцевать. В июле в семье Дьюи родилась еще одна дочь — Джейн Мэри. Но вскоре, в 1904 г., супругам пришлось пережить потерю и второго сына Гордона.

Это случилось во время очередной поездки в Европу, куда Джон и Элис отправились с пятью детьми. В Кембридже Дж. Дьюи очень ждали на конференции Научной ассоциации его коллеги-философы. Элис намеревалась изучить образование женщин в Европе. Она даже планировала представить по возвращении отчет по этой проблеме Уильяму Харрису, а также написать книгу и напечатать ее под редакцией психолога Джеймса Марка Болдвина. Родители были уверены, что поездка принесет много положительного как для старших детей — Эвелин и Фреда, так и для младших. Гордон, развитый не по годам, тоже ждал от поездки сюрпризов и ярких впечатлений. Все считали его очень открытым и восприимчивым ребенком. Но еще в дороге корабельный врач диагностировал у Гордона пищевое отравление. По прибытии в Ливерпуль мальчика срочно госпитализировали. Джон Дьюи оставался с сыном, в то время как Элис повезла детей в Честер, чтобы изолировать их от больного Гордона. Друзья Дьюи встретили ее и забрали млад-

ших детей в Ирландию, а сама Элис вернулась в Ливерпуль. Состояние Гордона ухудшалось с каждым днем. У него диагностировали лихорадку. В какой-то момент врач уверил, что ему скоро станет легче, что он преодолел кризис, хотя мальчик сильно терял вес. Отец купил ему книгу «Путешествие Гулливера» и все время читал сыну страницу за страницей. Родители даже начали вместе с сыном сочинять книгу с картинками «Поездка Гордона в Ирландию». Из Ирландии пришло радостное известие, что у других детей не обнаружено симптомов болезни. Через три недели Гордона выписали из госпиталя. Все трое отправились в Ирландию. Мальчик писал своему брату Фреду, что он очень хочет поправиться и надеется поехать с ним в Дублин, а потом отправиться в Италию и поймать большую ящерицу, а также ловить апельсины, когда они будут падать с деревьев. Но вскоре Гордону стало значительно хуже, и через два дня его не стало.

Для Элис и Джона этот удар судьбы был слишком сильным. Чикагские друзья, узнав о смерти Гордона, были потрясены. Джейн Аддамс устроила поминальную службу в Халл-хаусе. Более семидесяти коллег и друзей пришли выразить свои соболезнования Элис и Джону. Джон Дьюи написал в письме Уильяму Джеймсу: «Гордон, которого мы потеряли, был единственным человеком, я не говорю ребенком, который одновременно мог быть и серьезным и игривым в восприятии жизни. Я никогда не смогу понять, почему его забрали из этого мира» [5. С. 231].

Джон Дьюи вынужден был вернуться в Нью-Йорк, так как начинался новый семестр в Колумбийском университете, а Элис осталась с детьми в Европе, чтобы дать им возможность продолжить изучение языков. В 1904 г. Элис отправилась с детьми во Францию. Фред был зачислен на осенний семестр в университет Гренобля, чтобы изучать французский, в то время как его мама с другими детьми осталась на побережье. После того как осенний семестр закончился, он отправился в университет Йены, где изучал латинский и немецкий языки. Фреду прекрасно давался немецкий, хотя в изучении латинского он испытывал затруднения, так как обычно ему приходилось переводить латынь на английский, а не на немецкий, или с немецкого на латынь. Естественно, с такой нагрузкой на зрение было трудно справиться, и вскоре он мог читать лишь небольшое количество времени. Родители очень переживали, что Фред терял зрение. Весть о том, что занятия фехтованием помогли его сыну Фреду снять глазное напряжение, очень обрадовала пребывавшего в депрессии от потери сыновей отца. Джон Дьюи очень скучал по семье и просил Элис и детей почаще писать ему и информировать его о всех новостях. В Нью-Йорке он очень грустил о Гордоне и ходил в гости только к тем коллегам, у которых были дети. Он совершенно потерял интерес к административным делам в университете, отказался участвовать в выборах президента в качестве кандидата. Его интерес к педагогике также ослабевал с каждым днем, хотя студенты педагогического

колледжа и считали его своим наставником и новатором в образовании. Он опять вернулся в лоно философии.

1904 г. принес семье Дьюи неожиданный сюрприз. По окончании весеннего семестра Джон Дьюи решил отправиться к семье в Европу. Элис провела весну в Риме, а затем вся семья Дьюи отправилась в Венецию. Там в Италии все напоминало о Морисе. И вот однажды во время завтрака в одной из пиццерий Венеции Джон увидел миловидного итальянского мальчугана, игравшего у окна со своим братом. Тот был такого же возраста, как Гордон, настойчивый и полный жизненной энергии. Дьюи заметил, что он хромотал, но при этом поразил Дьюи своей грациозностью. Было похоже, что мальчик из бедной семьи. Неожиданно Дьюи пригласил мальчика за стол позавтракать вместе с ними — тот был явно голоден. Мальчика звали Сабино Пиро Левис. Он пробыл с семьей Дьюи до самого вечера, а потом его проводили домой. Через несколько дней Элис и Джон Дьюи договорились с матерью Сабино, которого тут же окрестили «Бино», что он отправится с ними в Америку.

Сабино вырос в стране, где остался прах их сына Мориса. Он заменил Дьюи двоих сыновей. У Джона Дьюи снова было пятеро детей. Он ни разу в жизни не пожалел о том, что последовал своему импульсивному желанию и взял мальчика в свою семью. Официально он не усыновил Сабино, но стал для него любящим и заботливым отцом. Он пытался искать врачей в Европе, которые помогли бы мальчику вылечить поврежденное колено.

Бельгийский врач предрекал ампутацию, но Дьюи повез сына в США и нашел доктора Мейерса в госпитале Святого Луки. Дьюи каждый день навещал нового сына в больнице, где Сабино проходил длительное лечение. Даже после выписки из госпиталя нога постоянно болела. Мальчик почти не мог заснуть. Дьюи каждый вечер рассказывал сыну истории до тех пор, пока он не засыпал. Он часто возил сына гулять в инвалидной коляске в парк. Через год мальчик избавился от костылей.

Сабино любили в семье Дьюи и взрослые и дети. Он был помощником Элис в садовых делах. Юношей он стал прекрасным водителем для своего отца. Он был отличным дизайнером и мог прекрасно подобрать ткань и портного для пошива очередного костюма своему всемирно известному отцу. Джон Дьюи был очень тронут стараниями сына. В один из дней они вышли от портного оба в новых костюмах, что растрогало Элис до слез. Она давно не видела своего мужа таким счастливым. Даже когда Сабино уже жил отдельно и имел свою семью, он помогал отцу в выборе костюмов. В своих воспоминаниях об отце Сабино напишет: «Чтобы описать ту отеческую заботу, которую мне пришлось испытать именно от него (Джона), мне потребовалась бы целая книга» [4. С. 455].

Джон Дьюи стал очень близким другом и наставником своим сыновьям — Фреду и Сабино. Он радовался успехам Фреда в учебе и в Мичиганском университете, и в Массачусетском Технологическом институте, где его

дядя Дэвис Рич Дьюи преподавал экономику. Он ликовал, когда в 1913 г. Фред защитил диссертацию по социологии в Колумбийском университете на тему «Некоторые аспекты поведения в социальных группах». Он часто обсуждал с сыном разные проекты. Когда у Фреда появился первый сын, Джон Дьюи не мог дождаться минуты, когда увидит своего внука Гордона Чипмана. Потом появились другие внуки — Элизабет Энн в 1919 г. и Джон — еще один Джон Дьюи.

Еще одна страшная потеря была уготована судьбой для семьи Дьюи: в 1935 г. Джон-младший погиб в автомобильной катастрофе во время каникул, когда был студентом военной академии в Колорадо Спрингсе. В 1936 г. жена Фреда Лиз родила девочку Джоанну, дедушка был очень счастлив. В это время Джон Дьюи жил вместе с семьей Фреда. Фред всегда отвечал за организацию рождественских обедов, помогал отцу в финансовых делах.

Джон Дьюи по праву гордился своими сыновьями и не боялся выражать им свою любовь. Они до конца его дней оставались ему преданными помощниками и близкими людьми.

Старшая дочь Дьюи Эвелин заслуживает особого внимания, так как именно она сумела стать для своего отца надежным партнером в осуществлении ряда педагогических проектов. Эвелин испытывала огромное уважение и любовь к своему отцу, помогала ему и сопровождала во многих поездках в Европу. Отец очень дорожил своей дочерью. Когда Эвелин было пять лет, ей посчастливилось отпра-

виться в Европу со своей матерью. По дороге она получила послание от своего отца: «Я люблю тебя, моя маленькая девочка. Папа».

Хотя Эвелин не могла напрямую участвовать в создании первого «педагогического детища» Дьюи — Чикагской лабораторной школы, так как в тот период была еще маленьким ребенком, тем не менее опосредованно она повлияла на решение отца. Когда Дьюи создавал свою лабораторную школу в Чикаго, Эвелин было всего семь лет. Однако именно после посещения учебного заведения, где училась пятилетняя Эвелин, он глубоко разочаровался в состоянии американского школьного дела, и это стимулировало ученого начать свой педагогический проект в Чикаго. Он с горечью рассказывал своей супруге Элис о том, какой скучный взгляд был у их дочери, которую в очередной раз заставляли исследовать поверхность кубиков и их углы, хотя это все ей давно уже было известно. Создание Дьюи экспериментальной школы в Чикаго (1896—1904) явилось попыткой ученого изменить традиционную школу «зубрежки» и «книжной учебы». Дочь Дьюи была одаренным ребенком, и хотя ей часто приходилось пропускать школу, путешествуя с родителями по Европе, она всегда догоняла класс и демонстрировала замечательные результаты в учебе.

В 1904 г. семья переехала в Нью-Йорк. Здесь Эвелин поступила в школу Горация Манна и успешно окончила ее в 1906 г. В возрасте 16 лет она стала студенткой колледжа Смита, а в 1911 г. уже была его выпускницей.

Надо отметить, что поначалу общая атмосфера колледжа, да и домашнее окружение побудили Эвелин заняться социальной работой. Усилившаяся волна иммигрантов и проблемы бедных требовали большого количества социальных работников. Эвелин всегда отличалась независимостью и жила в отдельной квартире сначала в Бруклине (1918—1919), а затем в 1920 г. переехала в Манхэттэн. В начале 1920-х гг. она преподавала в школе Линкольна, связанной с педагогическим колледжем Колумбийского университета. Более того, она возглавляла Совет при Бюро педагогических экспериментов. Некоторое время она работала в одном из известнейших агентств, связанном с рекламой авторского права. За что бы она ни бралась, ей все всегда удавалось. Как верно отметил Макс Истман, «еще в раннем возрасте ей удалось развить то, что называют великолепным чувством юмора и здравого смысла» [5. С. 155].

В нью-йоркский период Эвелин помогала своему отцу в нескольких его педагогических проектах, а затем начала сама писать статьи и книги по проблемам образования. Она всегда была готова поддержать Дьюи в его реформаторских начинаниях, стала ему настоящим коллегой и другом.

По поручению отца в 1914 г. Эвелин отправилась в Индиану исследовать Гари школы (школы Гари Уильяма Уирта), «чтобы добыть современный материал, с помощью которого можно будет проиллюстрировать педагогические принципы» [5. С. 155]. Она принимала самое активное участие в написании хорошо извест-

тной в педагогических кругах работы «Школы будущего», увидевшей свет в 1915 г. Именно Эвелин отвечала за проведение исследований в различных школах, не только посещала многие из них, но и брала интервью у родителей, учителей, администраторов и учащихся. Поэтому именно она стала автором большинства разделов книги, отражающих плоды ее активных наблюдений и размышлений. Дочь Дьюи посещала экспериментальные школы, лучшие из лучших, и анализировала их деятельность, пытаясь изучить, каким образом в них применялись различные педагогические теории Руссо, Гербарта, Фребеля, Песталоцци и Дьюи. Речь идет о школе Мистера Джонсона в Фэахоупе, штат Алабама; «Паблик Скул» 45 в Индиане; Школе Паркера в Чикаго; а также Гари школах. Эвелин и ее отец исследовали экспериментальные школы и использовали полученные результаты как материал для размышления о реконструкции традиционной школьной системы. В предисловии к своей книге «Школы будущего» отец и дочь Дьюи писали: «Мы пытались показать, что именно может получиться, когда школы начинают использовать на практике... некоторые теории, которые считаются наиболее здравыми и лучшими с времен Платона». Многие из школ, которые отбирала для экспертизы Эвелин, можно было назвать школами, «ориентированными на ребенка», а именно такими, где учитель вступает на сцену лишь тогда, когда ребенок проявляет готовность восприятия, где учение происходит в ходе делания, а делание процветает лишь в обстанов-

ке свободы. После написания своей части работы «Школы будущего» Эвелин принялась за книгу «Новые школы для старых» (1919), inspectируя на сей раз Школу Портера Миссиз Харвей в сельской местности. В заключение она пришла к выводу, что школы являются единственным местом, где каждый в равной степени может приобрести основу для общественного и демократического сознания. Школы — это лаборатории, в которых осуществляются эксперименты, направленные на демократическое развитие, а поэтому прогресс образования должен идти в ногу с прогрессом правительства. Издательство Даттона опубликовало работу «Новые школы для старых», а затем следующую книгу Э. Дьюи «Далтонский лабораторный план» (1922). Далтонский лабораторный план был «экспериментом в окружающей среде, способствовавшим развитию характера. Эвелин также публиковала статьи в журналах «Нация», «Прогрессивное образование» и других, проблематика которых касалась образования детей и проблем тестирования. Эвелин стала ведущим авторитетом в области образовательных экспериментов в Америке. Она часто повторяла слова: «До тех пор, пока человек развивается, должно развиваться и его образование».

Надо признать, что Эвелин Дьюи связывало с отцом намного больше нитей, чем с другими дочерьми. Когда в конце июня 1926 г. Джон Дьюи отправился в Мексику читать свои курсы «Современная философская мысль» и «Проблемы прогрессивного образования» в рамках летней сессии в

Национальном университете, он и там не смог обойтись без помощи Эвелин. В конце августа она прилетела в Мехико, чтобы помочь осуществлять отцу очередной образовательный проект по модернизации и улучшению образования для мексиканского народа. Она участвовала в экспертизе школ и учителей. Хотя программа летней школы была рассчитана главным образом на американцев, Дьюи увидел в аудитории много мексиканских учителей. Ученый быстро перестроился и расширил подготовленную программу. Он подготовил программу для перевода на испанский язык, а затем для каждой лекции написал тезисы для переводчика. Вместе с Эвелин ему удалось составить более полное представление о том, что происходило в системе мексиканского образования, побеседовать не только с городскими, но и с сельскими учителями. По выходным Дьюи посещал вместе с Эвелин сельские школы. В конце семестра министерство образования обеспечило Дьюи автомобилем, водителем и переводчиком, и они вместе с Эвелин были в Куэрнавাকে, а затем добрались и до Гвадалаяры. Джон Дьюи и его дочь очень активно изучали мексиканские школы, беседовали с простыми людьми и поражались «эстетическими способностями мексиканского народа». Миссия Дьюи в Мексику была настолько успешной в образовательном плане, что историк, описывающий мексиканское образование того периода, отметил: «В период 1920-х гг. содержание образования в Мексике распахнулось перед Мастером Утренних Высот» [1. С. 86].

В 1928 г. по приглашению наркома просвещения А. В. Луначарского Джон и Эвелин Дьюи отправились в Советский Союз в составе представительной американской делегации. Визит Дьюи в Россию в 1920-е гг. стимулировал диалог представителей разных культур по важнейшим педагогическим проблемам, в числе которых была теория трудовой школы, проблема содержания образования, организационных форм и методов обучения.

Поездка в Советскую Россию, хотя она и не была продолжительной, оставила неизгладимый след как в душе американского ученого, так и его дочери. К моменту приезда Дьюи в Советскую Россию он уже был достаточно хорошо известен в педагогических кругах нового государства. Публичное заявление о поездке Дьюи в Россию было встречено в США с энтузиазмом, но газета «Дэйли Уоркер» расценила согласие ученого принять приглашение как одобрение им нового Советского государства. Стало известно, что в частном порядке в офисе по делам Востока спешно собирали информацию обо всех членах комиссии Американского общества культурных связей с Россией и тех, кто участвовал в педагогической миссии. Ведь лишь за несколько лет до начала миссии Дьюи расспрашивали о «большевизме» в Китае, а после поездки в Россию он уже сам рассматривался как достаточно опасный, а надлежавшие службы (FBI) писали о Дьюи, что «он постоянно подыгрывает Советам». Перечислялись существовавшие многочисленные ассоциации, поддерживающие коммунизм.

Подчеркивалось, что Дьюи в печати выступал против военной подготовки. «Коммунисты выступают против военной подготовки в США, но занимаются ей в России», — писал один из представителей агентуры США [5. С. 351].

Дьюи не обращал особого внимания на все эти моменты, а всегда твердо следовал своей цели. Для него не представляло большой разницы — знакомился ли он с Тицианом в Эрмитаже или же посещал школу для социально опасных несовершеннолетних детей — то и другое для ученого представало как опыт. А это означало, что за этим следовало дальнейшее размышление над опытом, а значит, подобная рефлексия в конечном счете материализовывалась в написанных на бумаге строках, а затем нечто появлялось и в печати, как случилось и со статьями в «Нью Рипаблик» и с «Впечатлениями о Советской России и революционном мире» [2].

В нашей стране особый интерес для Джона и Эвелин Дьюи представляли различные учебные заведения. Они посетили школы для детей, школы для рабочих, университетские школы, педагогические институты, школы для детей, больных туберкулезом, лабораторные школы, татарские школы, школу доктора Виттенберга по изучению природы («очень научная», по комментарию Дьюи); детскую деревню «Детское Село» («150 беспризорных детей... очень гигиеничных», как отметил американский коллега), Дом отдыха для ученых, санаторий для интеллектуалов и трудовую комму-ну в деревне для преступников («без

стен — никаких камер — изучение ремесел» — так кратко обобщил Дьюи увиденное). Причем удивительно, что 68-летний Дьюи, в отличие от других членов делегации, особенно представительниц женского пола, жалующихся на усталость и недомогание, чувствовал себя в России энергичным и здоровым — прекрасно спал, оставался на все вечерние приемы, сам давал обеды, посещал ночные клубы, не пропускал ни одного события, и даже ни разу не подвергся никаким нападкам дизентерии.

Когда 28 июля трое из членов делегации вынуждены были оставаться в постели по причине недомогания, любознательный Джон Дьюи вновь отправился за впечатлениями и сумел посмотреть очень многое — и русские иконы, и предметы народного искусства, и полотна современных художников в Москве. Самым сильным впечатлением американского ученого были русские дети. Кто-то из группы вспоминал, что когда делегация посещала деревни, то маленькие дети бежали навстречу Джону Дьюи, чтобы пожать ему руки, висели на полах его пальто, пытались показать ему свои маленькие детские сокровища.

Дьюи все время делился с дочерью своими впечатлениями, размышлял об увиденном. Американскую делегацию встречали в России с большими почестями. Свидетельством тому может служить тот факт, что сестра Л. Д. Троцкого, которую Джон Дьюи назвал «одной из наиболее способных женщин в России», торжественно приветствовала Дьюи и других представителей Северо-Американских

штатов от имени Общества культурных связей с зарубежными странами — организации, президентом которой она являлась. Она же проводила делегацию 14 августа на железнодорожном вокзале. А. В. Луначарский тепло принимал делегацию в Кремле. Корреспондент столичной газеты отмечал: «Высокая красная кремлевская стена закрыта для иностранцев за редким исключением, но на прошлой неделе она расступилась, чтобы встретить группу педагогов по руководством профессора Джона Дьюи... Власти рады оказать американцам всякую любезность» [2. С. 355].

После визита Дьюи в Россию и появления его лестных отзывов о советской образовательной системе в консервативной прессе США появились заметки, в которых Дьюи назывался «большевиком» и даже «красным». Эвелин очень переживала за дальнейшую репутацию своего отца, однако понимала, что его бесстрашная и справедливая натура никогда не потерпела бы указов сверху.

Через шесть лет после поездки Эвелин вышла замуж за Грэнвилля Смита, владельца скотного хозяйства величиной в 3000 акров. Поразителен следующий факт: молодожены спешили пожениться утром, так как после обеда Эвелин с отцом уже отправлялись на пароходе в Южную Африку. Все присутствовавшие на бракосочетании проводили Эвелин и Джона до причала, где отправлялся пароход. Отличавшаяся хорошим чувством юмора Эвелин пошутила, что «свадьба отвлекает от дел», и даже перед тем как отправиться в

медовый месяц занималась правкой напечатанной рукописи — ее последней книги «Дети нового дня», написанной в соавторстве с Катариной Гловер. В этой книге звучали новые нотки, в ней были собраны воедино и расширены все доклады конференции Белого дома по проблемам здоровья и защиты ребенка. Эвелин нарисовала картину «нового» ребенка, чаще всего воспитуемого не одним, а двумя работающими родителями, в намного меньшем по размеру доме и управляемом «нажатием кнопок вместо человеческой энергии». Она считала, что ребенок нового типа принадлежит обществу почти так же, как и семья. Она называла новых детей творением «изменения», предвещая в будущем «необходимость проявления ценностей, возвращения к духовному мотиву жизни», постоянные эксперименты в педагогике и др. Надо признать, что Дьюи очень скучал по дочери, когда она переехала жить в Миссури. Он навещал ее каждый год, а когда Дьюи проводил зимы в Ки Уэсте, Эвелин часто приезжала туда на автомобиле, чтобы пообщаться с отцом. На протяжении всей своей жизни Дьюи был очень близок к Эвелин. Не случайно после смерти своей жены Элис в 1927 г. Джон Дьюи стал жить вместе с Эвелин, так как дочь старалась быть рядом со своим отцом в трудную минуту. Кроме того, она всегда интересовалась его педагогическими экспериментами.

Здоровье ученого ухудшилось к 1950 г. Ратнер писал в письме Эвелин, что Дьюи «стал больше обращать внимания на лекарства, чем на идеи... Он

так и не смог поправиться после своего 90-летнего юбилея и сдавал с каждым днем» [5. С.479]. 1 июня 1952 г.

Джон Дьюи умер, Эвелин Дьюи прожила после смерти отца тринадцать лет и умерла на своем ранчо в 1965 г.

Список литературы

1. Booth, G. Mexico's School-Made Society / G. Booth. — Stanford, Calif. : Stanford University Press, 1941. — 175 p.

2. Dewey, J. Impressions of Soviet Russia and the Revolutionary World: Mexico — China — Turkey / J. Dewey. — N.-Y. : New Republic, 1929. — 180 p.

3. Hobsbawm, E. Age of Extremes. The Short Twentieth Century 1914—1991 / E. Hobsbawm. — London : Abacus, 1995. — 372 p.

4. Kliebard, H. M. John Dewey's Other Son / H. M. Kliebard. — N.-Y. : The Free Press, 1982. — 504 p.

5. Martin, J. The Education of John Dewey / J. Martin // A Biography. — N.-Y. : Columbia University Press, 2002. — 562 p.

6. Rockefeller, S. C. John Dewey: Religious Faith and Democratic Humanism / S. C. Rockefeller. — N.-Y. : Columbia University Press, 1991. — 683 p.

7. Ryan, A. John Dewey and the High Tide of American Liberalism / A. Ryan. — New York : W. W. Norton and Company, 1995. — 414 p.

8. Tuchman, B. Biography as a Prism of History in Practicing History / B. Tuchman. — N.-Y. : Random House, 1981. — 414 p.

9. Westbrook, R. B. John Dewey and American Democracy / R. B. Westbrook. — N.-Y. : Cornell University Press, 1991. — 318 p.